

Д.Н. Узнадзе
Философия. Психология. Педагогика:
наука о психической жизни¹
Узнадзе: известный и неизвестный
Предисловие научных редакторов

Имя Дмитрия Николаевича Узнадзе, видного ученого, основателя грузинской психологической школы, создателя общепсихологической теории установок пользуется заслуженным авторитетом психологической общественности. Признанного классика советской психологии до сих пор изучают в вузах России. Тем более странно выглядит не раз отмеченное обстоятельство, что российскому читателю доступна лишь малая часть обширного научного наследия Узнадзе. Причин тому множество как объективных, так субъективных; их анализ может составить содержание отдельного историко-психологического исследования. Спешим отметить, что данная книга, как следует из ее названия, ставит целью в некотором роде исправить положение.

Определяя содержание данного сборника, мы руководствовались несколькими соображениями. Научное наследие Дмитрия Николаевича охватывает свыше 150 источников и несколько научных дисциплин: философию, педагогику, историю, эстетику, психологию — общую, детскую, педагогическую, труда и т. д. Первостепенной задачей мы поставили предоставить русскому читателю возможность охвата всего спектра научных интересов Д.Н. Узнадзе, хотя рамки сборника, увы, не позволили в достаточной степени отразить его научную деятельность (например, в нем не нашли место работы Узнадзе в области «чистой педагогики» и истории). Однако основные направления исследовательской работы Узнадзе все же так или иначе удалось осветить.

Кроме того, мы старались по мере возможности проследить за изменением и развитием интересов и взглядов мыслителя, жившего и творившего в разные исторические эпохи — до и после революции. Поэтому в сборнике представлены исследования, отражающие все этапы творческого пути Дмитрия Николаевича. Поскольку ранние работы Узнадзе практически неизвестны русскому читателю, им уделено наибольшее внимание.

Мы также старались показать эволюцию идеи установок в работах Узнадзе, то есть развитие этой

идеи от анализа философии Лейбница в начале века до теоретических головоломок мотивации и эмоций, представленных в научных тетрадах 1950-х гг. (кстати, доступной публикацией этих записей не избалован даже грузинский читатель).

И, наконец, основной критерий заключался в неизвестности или малоизвестности того или иного исследования. Соответственно, большую часть сборника составили специально переведенные работы или выдержки из работ, никогда не издававшихся на русском языке. В книгу вошли также некоторые важные, можно сказать — этапные работы, доступность которых так или иначе ограничена для русскоязычного читателя в силу вполне объективных причин (давность издания, количество изданий, тираж и пр.).

* * *

Творческую биографию Д.Н. Узнадзе можно условно разделить на несколько этапов: 1) с 1910 до 1918 г., когда он еще считал себя, в основном, философом; 2) с 1918 до 1936 г., когда он взял на себя труд сформировать грузинскую школу психологии и создал основную часть своей теории; 3) с 1937 до его кончины в 1950 г.

Начнем с обзора философских сочинений Узнадзе, созданных в первом периоде. Прежде всего, это работы по истории философии: солидная статья, посвященная Лейбницу, и монографии, содержавшие изложение и анализ взглядов Вл. Соловьева и А. Бергсона. Есть также статьи, посвященные отдельным вопросам творчества этих философов. Ограниченные рамки данной книги позволили включить в сборник лишь работу, посвященную Лейбницу. Фундаментальные исследования, посвященные Соловьеву и Бергсону все еще остаются недоступными для российского читателя. Учитывая интерес к этим мыслителям, особенно к Соловьеву, найдется, наверное, возможность сделать «известными» и эти работы Узнадзе.

¹ Название выходящего в этом году в издательстве «Смысл» нового сборника работ выдающегося грузинского психолога Д.Н. Узнадзе (под редакцией И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе. Перевод с грузинского Е.Ш. Чомахидзе). Как говорится в Предисловии, «большую часть сборника составили специально переведенные работы или выдержки из работ, никогда не издававшихся на русском языке». Здесь мы публикуем Предисловие к книге и две работы Д.Н. Узнадзе, связанные с проблемами психологии развития.

Большинство философских статей Дмитрия Николаевича написаны в 1910-е гг. в духе философии жизни и экзистенциального сознания. Другой цикл работ носит характер философско-педагогических очерков и эссе; имеется небольшая работа, относящаяся к теории познания. Наконец, явно философское звучание имеют рассуждения Узнадзе касательно основополагающих методологических проблем психологии, особенно в первой фундаментальной работе по психологии [59]².

Характеризуя философско-мировоззренческие взгляды Узнадзе, открыто отстаиваемые им до середины 1920-х гг., можно с уверенностью сказать, что в сфере гносеологии Узнадзе отдает предпочтение неокантианской точке зрения; в вопросе разделения естественных и гуманитарных наук склоняется к взглядам Вундта; в онтологии предстает автором гипотезы о «нейтральной реальности», оказываясь, тем самым, сторонником позиции «онтологического плюрализма». В целом же Узнадзе считал, что все серьезные философские системы имеют «светлые» и «темные» стороны. Крупицы истины разбросаны всюду, нужно их собрать и объединить, необходим «органический синтез». Такой подход к философии ярко проявился в оценке, данной Узнадзе мировоззрению Соловьева, — в его системе предпринята попытка объединения различных подходов: теизма и пантеизма, монизма и дуализма, оптимизма и пессимизма, интуитивизма и рационализма, идеализма и реализма. Констатируя это, Узнадзе завершает книгу о блестящем русском философе словами: «Он был благородным мыслителем».

Думается, что теми же словами можно охарактеризовать особенности философского мышления самого Дмитрия Николаевича, синтетического по своей сути, сенситивного относительно любой значимой идеи, независимо от того, откуда она исходит. Конечно, такой подход резко противоречил догматическому и воинствующему истмат-диамату, превратившему философию в арену классово-идеологической борьбы. Неудивительно, что со второй половины 1920-х гг. Узнадзе прекращает свои философские искания — несомненно, прежде всего, ввиду явной нестыковки его представлений с позицией официальной идеологической доктрины большевиков.

В ранней работе, подобранной для данного сборника, уже отдаленно просвечивает направление мысли, которое в итоге приведет к теории установки. Статья «Индивидуальность и ее генезис» выполнена сразу по возвращении из Германии, где за год до этого Узнадзе защитил диссертацию, посвященную философии Соловьева (1909 г.). Тем не менее, ставя вопрос, откуда и как возникает индивидуальность, Узнадзе не увлекается метафизическими построениями типа «вечного универсума» или «всеобщей силы» в духе Соловьева, а сразу переводит рассуждения в плоскость эмпирического психологического анализа. При этом он отчетливо видит ограниченность анализа психической жизни только на материале явлений сознания. Уже в этой, са-

мой ранней работе, рассматривается вопрос о сущности бессознательного и возможности проникновения в него. Нащупывая решения этого вопроса, Узнадзе, естественно, обращается к измененному состоянию сознания, которое и сегодня является незаменимым источником познания бессознательного. В дальнейшем этот интерес к измененным формам сознания только возрос, и свидетельство этого — заинтересованность проблемами сновидения (этот материал приведен в сборнике), внушения и гипноза.

Здесь же Узнадзе говорит о так называемом «нейтральном состоянии сознания» (предвестник термина «нейтральная реальность» из биосферной концепции), когда мысли теряют определенность, как будто смешиваясь друг с другом, размываясь и практически утрачивая свое влияние. Такое нейтральное состояние — психологический факт, эмпирически наблюдаемый, скажем, при засыпании или пробуждении, в состоянии между сном и бодрствованием. Оно характеризуется минимизацией, а то и полным исчезновением индивидуальных свойств предметов и явлений. При этом в психике отсутствует активное начало — апперцепция; сознание максимально ослаблено, и в этом смысле нейтральное состояние души можно считать бессознательным.

Таким образом, индивидуальность не является имманентным свойством вещей. Она вносится в них сознанием. Так в творчестве грузинского мыслителя смыкается философская проблема с психологией. Категория бессознательного, безусловно, одна из ключевых в психологической системе Узнадзе. Тем не менее, как в действительности понимал бессознательное Дмитрий Николаевич, сделалось предметом неустанного обсуждения его интерпретаторов. Здесь, конечно, невозможно осветить этот вопрос во всей полноте, но ясно, что обращение к истокам, к тем произведениям, где шел поиск собственной позиции и разрабатывались первые варианты системы, чрезвычайно важно для понимания трансформации взглядов автора.

В данной книге представлены две работы Узнадзе, исполненные в духе философии жизни. В них ставятся разные, но крайне важные, можно сказать — животрепещущие проблемы. Отличаются они и отношением к будущей психологической теории автора. Во второй из них — «Философия войны» — такая связь не прослеживается, хотя, исходя из обсуждаемых в ней тем, она содержит немало психологических моментов. Речь идет о таких вопросах, как жизнь и смерть, страх смерти, убийство и самоубийство, смысл жизни и его субъект, война и категории добра и зла, виды войн и др. Предоставляя читателю возможность самому составить впечатление от путешествия по увлекательному маршруту рассуждений автора, отметим актуальность и злободневность многих положений этой удивительной работы, написанной без малого век назад, в другую историческую эпоху, без постмодерна, глобализации, общества всеобщего потребления и прочих прелестей нашего ми-

² В квадратных скобках указываются номера из списка 156 работ Д.Н. Узнадзе, приведенного в конце выходящего в свет сборника.

ра. Возможно, это отголосок и того обстоятельства, что над исследованием работал не только профессиональный философ, но и историк.

К первому периоду творческой биографии Узнадзе относится длинная серия статей, которая впоследствии привела к полноценной теоретической педагогической системе. В 26 лет он стал автором одного из первых в Российской империи учебника по экспериментальной педагогике [14]. Узнадзе активно участвовал в педологическом движении.

Российский читатель в какой-то мере осведомлен о вкладе Узнадзе в педагогику, детскую и педагогическую психологию. До 2000 г. знакомство с этой сферой исследований Узнадзе ограничивалось некоторыми статьями из цикла экспериментальных работ 1920-х гг., посвященных онтогенезу мышления, напечатанных впервые в немецких журналах и принесших их автору европейскую известность. Они были представлены в вышедшей в 1966 г. в Москве книге «Психологические исследования», содержащей основную работу по психологии установки и несколько важных статей по общей психологии [141]. В 2000 г. увидел свет сборник, включающий в себя несколько исследований Узнадзе в сфере педагогики, педологии (детской психологии) и педагогической психологии [152]. Разумеется, эта маленькая книга не могла вместить все работы Узнадзе в данной области, но, тем не менее, содержала ряд ключевых идей и отражала круг основных тем исследований. Заинтересованный читатель найдет в предисловии к сборнику анализ научной, практической и организационной деятельности Узнадзе в этой сфере. Отметим, что даже такая небольшая публикация позволяет оценить высокий уровень и впечатляющие размеры проделанной им работы.

Сразу по открытии Тбилисского университета (1918 г.), одним из основателей которого по праву считается Узнадзе, он организовал кафедру и лабораторию психологии и начал титаническую организационно-просветительскую деятельность: подготовка кадров, создание терминологии, учебных пособий и т. д. Наряду с этим он переориентировал свою научную работу в интересах психологии, нацеливаясь на философские учения, содержащие интересный, с его точки зрения, материал для психологии. В ряду таких работ достойное место занимает исследование «Место *petites perceptions* в психологии». Не случайно, конечно, и обращение к творчеству Лейбница. Работа написана в 1919 г., когда Узнадзе уже взял на себя тяжелейшую обязанность создания психологической науки в Грузии. В результате появилось фундаментальное исследование «Анри Бергсон» (1920 г.), а немногим раньше упомянутая работа по Лейбницу. В самом деле, к кому, если не к Лейбницу, обращаться в поисках пути, ведущего к бессознательному? Ведь именно он считается автором, внедрившим в науку данную категорию. Следуя за хитросплетениями рассуждений Лейбница, Узнадзе анализирует целый ряд вопросов: входят ли в круг бессознательных психических явлений, наряду с элементарными «малыми представлениями», и сложные душевные феномены; что означает осознание —

просто повышение интенсивности малых переживаний или и их объединение в комплексы; какую роль в этом играет внимание; как следует понимать обратный процесс — переход из сознания в бессознательное; каковы виды бессознательного — сводятся ли стремления и чувства к *petites perceptions* и др.

Разумеется, стараясь разобраться в этих специальных вопросах системы Лейбница, Узнадзе ставит конечной целью создание собственного представления о сущности бессознательного. Влияние Лейбница сказалось в том, что Узнадзе еще больше утвердился в своем убеждении, скорее всего уже сформировавшемся к тому времени; имеется в виду основополагающее положение о том, что психическое (переживание) атрибутивно, характеризуется так называемым «первичным сознанием» (об этом подробнее ниже). Соглашаясь с Лейбницем в том, что актуаленез сознания логически приводит к бессознательному, Узнадзе не мог принять утверждение, что малые перцепции представляют собой истинное проявление бессознательного психического, поскольку они, будучи переживаниями, тем самым уже являются носителями первичной формы сознания. В силу того же не может быть квалифицировано как бессознательное психическое и упомянутое выше нейтральное состояние сознания. Стало быть, в поисках ключей к сознанию надо выйти за пределы психики (сознания) и копать глубже, дойдя до «неведомой области», порождающей психическую жизнь. Из этой аксиоматики начинается так называемая «биосферная концепция», в дальнейшем трансформировавшаяся в общепсихологическую теорию установки Узнадзе.

Первый набросок будущей психологической концепции дан в работе «*Impersonalia*» (1923 г.). Она посвящена анализу языкового сознания (воистину в начале было слово!), а именно так называемых «бессубъектных предложений». Узнадзе изучает этот феномен глубоко и комплексно, рассматривая его с точки зрения грамматики, гносеологии, логики и психологии. Последняя позиция и ложится в основу довольно неожиданного решения вопроса. В случае метеорологических имперсоналий мы имеем дело с потоком ощущений, вызванных некими атмосферными объективными процессами. Ощущения сами по себе представляют собой бесформенный материал, но он сразу организуется в содержательные комплексы. Это упорядочение не объясняется ни внутренней природой ощущения, ни прошлым опытом, ни самим объективным процессом, ни бессознательной психикой; оно определяется доселе неизвестной областью, которую Узнадзе обозначает «подпсихической», поскольку она находится как бы между психикой и материальной действительностью, перевода на язык субъективности (сознания, психических процессов) объективное положение дел. Будучи той стороной действительности, где отсутствует противопоставление субъективного и объективного, подпсихическое определяется внешним воздействием, предопределяя, в свою очередь, всю психическую жизнь, включая и характерные особенности имперсоналий.

Открытие этой новой действительности затруднено тем, что нашему сознанию введома лишь реальность по-

люсов объективного и субъективного. Именно по этой причине реальность, в которой снята антитеза объективного и субъективного, оставалась незамеченной. Тем не менее некоторые интуитивные прозрения о такой реальности можно усмотреть в концепции анамнезиса Платона, по сути, означающей, что истина существует до акта познания и в готовом для познания виде. То же можно сказать относительно учения Лейбница о предустановленности гармонии между материальным и душевным. Узнадзе полагает, что именно он приоткрыл завесу над этой областью действительности, существование которой туманно предполагалось некоторыми мыслителями. Как видим, уровень притязаний достаточно высок. Очевидно, что столь мощный объяснительный концепт нерентабельно создавать только для раскрытия природы имперсоналии — частного и редкого явления языкового сознания. По воробьям из пушек не стреляют. Теоретическое предположение подобного масштаба имеет смысл выдвигать, лишь намереваясь объяснить широкий круг явлений. В случае Узнадзе речь идет о всей психической жизни. Именно так ставится вопрос в этапном труде «Основы экспериментальной психологии: принципиальные основы и психология ощущений» (1925 г.).

Как явствует из названия, работа состоит из двух частей: во второй части дан обширный анализ всех основных данных, полученных к тому времени в психологии сенсорных процессов. Первая часть включает в себя рассуждения о наиболее фундаментальных и острых проблемах теоретической психологии. Тут Узнадзе предстает как маститый методолог, теоретик и историк психологии. В книге излагается полное содержание биосферной концепции, как продолжение гипотезы о подпсихическом, высказанной в «Impersonalia». Раскрывается истинный масштаб данной теоретической системы. Как уже отмечалось, она была задумана как общепсихологическая концепция, нацеленная на объяснение основных описательных характеристик сознания и поведения. Но до конкретного рассмотрения этих характеристик Узнадзе останавливается на методологическом вопросе описания и объяснения вообще, считая их важнейшими и взаимосвязанными задачами психологического исследования. Более того, он полагает нужным говорить о двух видах понятий — дескриптивных и экпликативных (функциональных). Первые описывают феноменологию в чистом виде, а потому могут считаться специфически психологическими понятиями; вторые, будучи не связаны с непосредственным переживанием и, исходя из задач объяснения, касаются транссубъективной (подпсихической, биосферной) реальности.

Вообще мало кто из советских психологов так серьезно относился к вопросам описания психической жизни, как Узнадзе. Причем эта кропотливая и тонкая работа велась как в сфере поведения, так и в сфере психических процессов и отдельных переживаний. Свидетельством первого является уникальная

даже для современной психологии классификация форм поведения Узнадзе, созданная более шести десятков лет тому назад; полны описательных характеристик рассуждения автора касательно произвольного поведения, свободы воли, мотивации, принятия решения и др. [141; 52]. Свидетельства прекрасных описательных характеристик психических процессов и переживаний находятся во многих работах [54], но особенно выделим солидные исследования, посвященные специфике восприятия и представления [62], внимания [123], для которых, увы, не нашлось места в данной книге.

Опираясь на исследования Бергсона, Brentano, Вундта, Гуссерля, Джеймса, Дильтея, Мюнстенберга, Цигена и др., Узнадзе предлагает развернутый анализ наиболее важных характеристик сознания. Особое внимание наряду с «целостностью» уделяется так называемой «творческой природе» сознания, которое, будучи специфической особенностью психического вообще, в наименьшей мере поддается механическим, физиологическим объяснениям. При этом Узнадзе стремится показать адекватность объяснения в духе биосферных построений, опирающихся на понятие «подпсихической действительности».

Но на пути к подпсихическому необходимо было разобраться с психикой и сознанием. И тут Узнадзе выдвигает концепцию «первичного сознания», на которую нанизывается вся нить последующих теоретических построений [146³]. Суть ее заключается в отождествлении психики с так называемой осознанностью, то есть утверждается, что психические феномены, являясь переживаниями, содержат в себе нереклексивное знание, сообщение субъекту о том, что он находится в состоянии определенного переживания. Факт боли означает его переживаемость. Как только мы перестаем замечать боль, она прекращает существовать в качестве особого психического явления. В пылу боя раненый воин может не испытывать боль до определенного момента, и нет никаких оснований считать, что он испытывает боль до того, как почувствует ее, до того, как она появится во внутреннем опыте. Рана существует до того, как человек почувствует боль, но боль, которая не болит, не есть боль. Переживание на то и переживание, что дает о себе знать (то есть переживание осознано).

Разумеется, речь идет о знании совершенно другой природы, чем знание, полученное через мышление. Это — непосредственное (первичное), нереклексивное знание, заложенное в самом переживании. Это же — первейшая особенность каждого психического феномена, чем, собственно, и отличается психическое от непсихического. Таким образом, первичное (атрибутивное) сознание представляет собой изначально заложенное в самом переживании непосредственное, нереклексивное знание. Именно в этом смысле все психические феномены являются сознательными.

³ Далее приводятся страницы из работы Д.Н. Узнадзе «Экспериментальные основы психологии установки. Основные положения теории установки» (Труды Д.Н. Узнадзе: В 9 т. Т. 6 / Под ред. А. Прангшвили. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 330 с.).

Это положение — краеугольный камень так называемой «биосферной концепции». Однако путь к этому концепту проходит через понятие бессознательного. Для Узнадзе это ключевая проблема. В самом деле, если согласно теории первичного сознания все психическое характеризуется осознанностью, то есть все психическое сознательно, как быть с понятием бессознательного? Без него, очевидно, обойтись невозможно, поскольку психика (сознание) не находит объяснения ни в самом сознании (так как оно не является субстанцией), ни в органических, физиологических процессах (поскольку их природа принципиально отличается от психики). Рассматривая круг явлений, которые считаются бессознательными, Узнадзе заключает, что таковыми могут быть лишь так называемые «диспозиции» — врожденные и приобретенные. Их существование постулировано, исходя из задачи объяснения различных психических (сознательных) феноменов. Само собой подразумевается, что то, из чего должно быть выведено сознание, на что оно должно опираться, должно быть бессознательным. При этом последнее должно иметь все признаки и свойства, необходимые для порождения сознания, его структуризации и манифестации. Коль скоро физиологические процессы таковыми не располагают, то и так называемые «бессознательные диспозиции» логически могут быть по своей природе чем-то между душевным и телесным, то есть психофизиологическим.

Анализ проблемы бессознательного Узнадзе завершает следующим заключением: «Бессознательное психическое переживание не существует. Однако, в то же время, самих психических переживаний не достаточно для объяснения их протекания. Необходимо выйти за рамки психического; но и физиологические факты не способны дать удовлетворительное объяснение своеобразного протекания психических переживаний» (с. 160). Можно было бы добавить и «поведения», ибо психическая жизнь, будучи реагированием на внешние воздействия, имеет две формы: ментальную (переживания) и поведенческую (двигательную). Именно с анализа особенности протекания последней Узнадзе и начинает рассуждения, которые приведут к биосферной концепции. И уже в самой постановке проблемы видно, к какому решению должны привести эти рассуждения. Так и происходит — постулируется существование «психофизически нейтральной реальности», гипотетически представленной в имперсоналии. Только здесь Узнадзе в основном говорит о поведенческих проявлениях психической жизни, анализируя их особенности и пытаясь найти объяснение за пределами «первичного сознания». Основную описательную характеристику всех видов активности Узнадзе усматривает в их целесообразности. Последовательно отвергая механистическое, психовиталистическое и гештальтпсихологическое объяснения данного явления, Узнадзе находит его, допустив, что поведенческая задача потенциально решена в сфере подпсихического до начала активности, то есть именно там, где необходимые для любого целесообразного поведения внутренние и внешние факторы находятся в неразрывном

единстве. Поведение есть лишь развертывание во времени и пространстве этого алгоритма, данного *in nise*.

Тут начинается трудный поиск термина, положительно характеризующего эту психофизическую сферу. Использование термина «подпсихическое» уже представляется недостаточным, поскольку он несет преимущественно негативную нагрузку — подпсихическое, то есть ниже психического генетически, не психическое или не совсем психическое. Сначала Узнадзе пробует термин «ситуация», прямо указывая, что придется найти более адекватный термин, так как ситуация имеет устоявшееся значение, связанное с внешними обстоятельствами активности. Но реальная основа целесообразного поведения предполагает единство внешнего и внутреннего, потребности и предмета ее удовлетворения. Таким образом, в ситуацию вносится субъективный момент, точнее — понятие «ситуация» трактуется как состояние самого индивида, в которое входят и объективные обстоятельства; ситуация — это сплав объективного, перенесенного в субъективное.

Иллюстрируется данное положение весьма удачно подобранным примером. «Когда бросаешь в воду камень, на поверхности воды возникают волнообразные движения, но происходит это по-разному, в зависимости от величины камня. Когда волны вызваны ветром, мы имеем одну картину, а когда кораблем — другую. Это означает, что в данном случае мы имеем дело не с простым изменением состояния поверхности воды, а совершенно определенным изменением, в котором усматривается сущность вызвавшего его «агента». Соответственно в движении волн слиты воедино оба момента — и состояние поверхности воды, и его агент. Можно сказать, что состояние поверхности воды реально является нерасчлененной целостностью, в которой усматривается и ее вид, и внешний агент» (с. 183).

Далее термин «ситуация» заменяется термином «настрой», но и он оказывается неудачным. Дело в том, что слово «ганцкобилеба», переведенное в соответствии с духом теории как настрой, буквально означает эмоциональное состояние; это, по сути, настроение. И если термин «ситуация» имеет слишком объективное звучание, то «настрой» слишком субъективен. Поэтому автор предлагает еще одну терминологическую новацию, вводя термин «биосфера», что можно считать попыткой дать большую онтологическую определенность этой «до сих пор не выявленной сфере действительности». Определяя целесообразность активности, она выступает в качестве «принципа жизни», в то же время как бы находясь между физическим (раздражителем) и ментальным (первичным сознанием). «То, что подразумевается под ситуацией, или целостным настроением, представляет собой вызванное в биосфере состояние» (с. 189). Тем самым, определенная биологизация этой сферы как бы сглаживает физикализм «ситуации» и психологичность «настроения».

Вводя понятие биосферы, Узнадзе сразу же наводит мосты с понятием психического. Подобно двигательным формам реагирования, психические пере-

живания возникают на основе «биосферного настроения»; их смысл заключается в своеобразном «внутреннем уяснении» биосферного состояния. Следовательно, работа сознания направляется биосферной диспозицией, которая, разумеется, полностью определяет его содержание. Поэтому биосферу, роль которой речь идет о ее соотношении с сознанием, можно назвать и подпсихической» (с. 190–191).

Круг сомкнулся! Мы опять-таки пришли к термину и понятию подпсихическое, который теперь обозначает биосферную диспозицию. Ведь не случайно глава, в которой излагается биосферная концепция, называется «Понятие подпсихического». Основная идея остается в силе — биосфера как диспозиция психической жизни — это сфера бессознательного, но не психического, так как всякое психическое надделено атрибутивным сознанием. И главной особенностью этой действительности является отсутствие субъект-объектного противопоставления. В научно-психологическом плане биосферная точка зрения представляет собой попытку прорваться к искомому механизму целесообразности поведения, поскольку этот механизм должен объединить в себе данные и свойства внешнего и внутреннего. В философском плане биосферная концепция, как попытка преодоления субъект-объектной дихотомии, служит разрешению психофизиологической проблемы — коренной философско-методологической проблемы, без решения которой, по убеждению Узнадзе, невозможно построить психологическую теорию.

Вслед за многими мыслителями прошлого, автор биосферной концепции усматривает серьезные недостатки в существующих вариантах решения психофизиологической проблемы. Гипотеза психофизиологической каузальности неприемлема, так как основывается на необоснованной идее каузальной взаимозависимости двух рядов явлений, не имеющих ничего общего. «Физиологическое изменение протекает лишь в области физиологии, никогда не пересекаясь с принципиально отличной сферой психической действительности» (с. 210). В этом случае нарушаются также два основополагающих принципа естествознания — «принцип замкнутой каузальности» и принцип «сохранения энергии». Теория параллелизма, в свою очередь, обязательно приводит либо к метафизической «гипотезе идентичности», либо к Богу; она недоказуема эмпирически, ибо эмпирически дана именно связь физиологического и психического, объяснить которую она не в состоянии.

После достаточно подробного анализа вопрос ставится так: следует отказаться от параллелизма и показать, что идея взаимодействия физиологического и психического не столь уж и противоречит принципам научного мышления. С этой целью Узнадзе рассматривает различные, порой довольно-таки экстравагантные соображения, не уклоняясь от виталистических, психоэнергетических и даже спиритуалистических допущений. Этим ученый, крепко стоящий на фундаменте позитивной науки, демонстрирует свою принципиальную открытость новым, нестандартным решениям. Биосферная точка зрения, с которой Узнадзе рассматри-

вает проблему, по сути, также является такого рода новым подходом. Итак, предлагается постулировать существование такой реальности, которая опосредует и свяжет между собой физическое и психическое, объективное и субъективное. «Объективное является принципиальным антиподом субъективного и психологического», и, следовательно, их непосредственное взаимодействие «было бы равносильно чуду». Соединяющим мостом служит биосфера, «психофизически нейтральная» область действительности. Она обеспечивает воздействие физиологического на психическое и, наоборот, психического на физиологическое, сама находясь с ними в непосредственной связи.

На самом деле подобные построения не чужды некоторым восточным философско-религиозным системам. Да и с точки зрения современной западной философской и научной мысли, стремящейся заполнить субъект-объектную пропасть (особенно после методологических размышлений в квантовой физике), биосферные идеи Узнадзе не покажутся особенно экстравагантными.

Завершая главу о подсознательном (биосфере), автор признается, что это — лишь предварительный набросок, который должен приобрести более стройный и ясный вид благодаря тем материалам, которые он намерен получить в будущем. Очевидно, что Узнадзе уже тогда был нацелен на эмпирическое изучение механизма целесообразного поведения, что естественно для ученого, прошедшего подготовку в лаборатории Вундта. И действительно, примерно в это время в психологической лаборатории ТГУ Дмитрий Николаевич вместе со своими учениками начинает закладывать фундамент экспериментальной работы в области психологии установки, получившей широкое признание мировой научной общественности. Результаты экспериментального изучения установки в школе Узнадзе достаточно хорошо известны российским специалистам по работе «Экспериментальные основы психологии установки», трижды изданной на русском языке. Ознакомится с ними, но в более кратком изложении, и читатель данной книги, благодаря содержащимся в ней двум обобщающим, но значительно менее известным и доступным работам автора теории установки [99; 146]. На эмпирической части психологии установки мы не станем останавливаться.

Что касается термина «установка», он впервые появился в уже упомянутой статье о восприятии и представлении (1926), через год после описанных поисков адекватного термина. Не найдя нужного слова в грузинском языке, Узнадзе создает его сам — «ганцкоба» (установка), и делает это очень удачно. Корень остался прежним, но семантика изменилась в нужном направлении; в результате «настроение» действительно превратилось в «настрой», «направленность» или, точнее, в «предуготовленность», чего и требовала теория. Следует отметить, что это слово совершенно естественно укоренилось в грузинском языке.

Этот период научной деятельности Узнадзе плодотворен не только в психологии, но и в педагогике. Его перу принадлежит фундаментальный учебник по педологии, изданный в 1933 г. Фактически данный

учебник представляет собой психологию дошкольного возраста. В нем представлен обширный материал, имеющийся к тому времени в педологии, а также данные, полученные самим Узнадзе и его сотрудниками. Особенно следует отметить экспериментальное изучение образования понятия в дошкольном возрасте, высоко ценимое специалистами, в том числе Л.С. Выготским. Второй том работы, посвященный школьному возрасту, не успел выйти в свет до известного партийного постановления 1936 года, разгромившего педологию, а потому, естественно, был надежно «припрятан». В него должны были войти собранные Узнадзе данные об интересах детей школьного возраста, особенностях их технического мышления и других важных вопросах. Соответствующие исследования Узнадзе начал проводить еще в 1920-е гг., публикуя результаты в солидных немецких научных журналах.

Узнадзе специально разрабатывал теоретические вопросы, связанные с психологической сущностью учебной и игровой деятельности. В книге представлен материал, позволяющий составить впечатление о том, как он характеризовал игру. Теория игры Узнадзе строится на основе введенного им понятия «функциональная тенденция». Это очень важное для его теории понятие, весьма продуктивно используемое при характеристике различных форм активности и состояний — таких, как сновидения, творчество и др., в том числе и игры (даже рождение младенца Узнадзе объясняет его тенденцией функционирования; функциональная тенденция является основной потребностью живого существа, от которой оно отворачивается лишь из-за необходимости получить что-то субстанциональное). Именно через это понятие вводится в теорию установки принцип самоактивности индивида и личности. Читатель сам оценит некоторые несомненные достоинства данного концепта.

Для теории установки особое значение имеет брошюра Узнадзе «Сон и сновидение», изданная в 1936 г. Именно в ней Узнадзе объясняет сновидения механизмом функциональной тенденции, выступающей в роли нереализованной установки. К тому же именно в этой работе Узнадзе дает оценку теории психоанализа, которая и через сорок с лишним лет позволит советской психологии вести дискуссию с западными коллегами. В указанной работе представлен также набросок концепции объективации и модели личности по теории установки.

Итак, установка мыслится в качестве явления, реально опосредующего внешние воздействия и внутренние реакции. Чуть позже непосредственность этого воздействия была квалифицирована как главная ошибка всей предшествующей психологии — так называемый «постулат непосредственности». Задача его преодоления («задача Узнадзе»⁴), по признанию ведущих российских методологов и теоретиков, является

всеобщей для психологии. Все системы советской психологии, по существу, были направлены на это⁵, решая ее по-разному, выдвигая в качестве опосредующего начала то знак, то субъекта, то деятельность и пр. Тут можно много рассуждать об их взаимоотношении с теорией установки (что мы не раз делали⁶), но в данном случае ограничимся простой констатацией того, что формулировка этого принципа, введенная Узнадзе, несомненно представляет собой большое достижение методологической мысли в психологии.

Впервые методологический принцип опосредованности в разработанном виде появился в работе «Основные положения теории установки» (1941). Эта относительно небольшая обобщающая работа вместе с «Общей психологией» [см. 153] дает представление о том, как выглядела теория установки на срединном этапе своего развития. Автор уже смело противопоставляет свою теорию традиционной и современной ему психологии, находя во всех системах одну и ту же роковую ошибку, связанную с постулатом непосредственности. А поскольку непосредственность трактуется, как «рефлексоидность», постольку вся предшествующая психология признается рефлексологией, причем не только бихевиоризм, но и вполне «субъективистические» системы психологии. Рассуждая об установке, как опосредующем звене, Узнадзе говорит о видах отражения, характеризующих психическую жизнь: созерцательное и действенное. Однако они понимаются, как вторичные по отношению к первичному, так называемому «установочному» или «личностному», отражению, имеющему целостную природу, из которого проистекает как созерцательное, так и действенное отражение. Данное специфическое отражение есть модификация субъекта, в зависимости от ситуации дающая начало поведению и сознанию.

Анализ в терминах отражения кто-то может считать данью марксистской идеологии. Возможно, но если не считать термин «буржуазная психология», вообще незаметно, что текст написан ведущим советским психологом, ставящим и решающим фундаментальные методологические, теоретические и эмпирические проблемы в сороковые годы, когда наука не могла быть вне идеологического, мировоззренческого контекста. При этом налицо полное отсутствие догматических формулировок, даже простого упоминания классиков марксизма-ленинизма. Идеологическая сдержанность текстов Узнадзе вообще примечательна. Несомненным везением можно считать то, что на это обратили пристальное внимание после его кончины, и доказывать идеологическую корректность теории установки пришлось его последователям в ходе нескончаемых дискуссий 1950—1960-х гг.; но политико-идеологический нажим, конечно, не мог не отразиться на работе Узнадзе, о чем несколько ниже...

⁴ Асмолов А.Г. Деятельность и установка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

⁵ Ярошевский М.Г. Д.Н. Узнадзе и Л.С. Выготский: к критике постулата непосредственности // Теория установки и актуальные проблемы психологии. — Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 281—302.

⁶ Имедадзе И.В. Категория поведения и теория установки. — Тбилиси: Мецниереба, 1991; см. также Имедадзе И.В. С.Л. Рубинштейн и школа Д.Н. Узнадзе // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. — М.: Изд-во ИП РАН, 2011. С. 355—370.

Работа «Основные положения...» [99] содержит некоторые формулировки, весьма важные для понимания развития представлений Узнадзе. Так, он пишет: «...человек как целое является не суммой психики и тела, психического и физиологического <...> а самостоятельной реальностью, имеющей свое специфическое качество и свои специфические закономерности. И вот, когда на субъекта воздействует действительность, он, как целое, отвечает на воздействие, как эта специфическая, своеобразная реальность, которая предшествует частному психическому и физиологическому и не сводится к ним» (с. 24–25). Данная специфическая реальность есть установка, природа и протекание которой «...настолько специфичны, что для их изучения не пригодны обычные понятия и закономерности ни психического, ни физиологического» (с. 24). Итак, как и в биосферной концепции, перед нами специфическая реальность, несводимая к душевному и телесному и опосредующая их взаимодействие. Словом, налицо опять-таки методологический принцип «опосредованного взаимодействия». Следовательно, установка и тут предстает непсихическим явлением.

В последних обобщающих работах данное положение претерпело радикальное изменение — установка была отнесена к сфере психического. Установка как целостное состояние индивида — это совершенно другой вид психики. Она предшествует и определяет «частные психические феномены» в филогенезе, онтогенезе и актуалгенезе. В общем установка мыслится не как «неведомая» область действительности, а как психика, хотя и особая.

С тех пор вопрос об онтологической природе установки стал предметом непрекращающихся дискуссий. Большинство представителей школы приняли этот последний вариант. Хотя были и остаются исследователи, указывающие на сложности, возникающие вслед за принятием тезиса о психичности установки.

Понять их опасения можно, ведь положение о том, что установка есть сфера бессознательной психики, нужно привести в соответствие с методологическим принципом опосредования, на котором строится вся теоретическая система. Как, в частности, возможно, чтобы имеющая однозначно психическую природу установка опосредовала взаимодействие между субъективным и объективным, психическим и физиологическим, с одной стороны, и самими психическими явлениями — с другой? Ведь речь идет не о рядовом изменении или уточнении, а о новации парадигмальной, меняющей весь смысл и облик теоретической системы. Естественно, встает вопрос, почему это произошло. Потому, что был соответствующим образом осознан методологический принцип развития психики, требующий допущения элементарной, первичной формы психики, как это следует из рассуждений са-

мого автора теории. И это, несомненно, так. Но вопросы все же возникают в свете неоспоримости того, что проблема развития психики всегда была предметом пристального внимания нашего теоретика.

Проблема осложняется и тем, что Узнадзе нигде прямо не отмежевывается от концепции первичного сознания, которая в принципе исключает всякую мысль о бессознательном психическом. Хотим быть правильно понятыми: можно вовсе не отвергать идею бессознательного психического и не соглашаться с концептом атрибутивного сознания, но при этом ставить вопрос о мотивах, побудивших ученого на склоне лет диаметрально изменить позицию, всю жизнь активно отстаиваемую в науке.

Уже не раз была высказана версия, что новая редакция теории установки создавалась под сильным воздействием идеологического прессы. Узнадзе стойко сопротивлялся ему всю жизнь, о чем было сказано выше. Первый звонок прозвучал еще в 1932 году⁷. После этого рассуждения о биосфере, подсознательном прекратились, и акцент перешел на экспериментальную работу. Но после «Общей психологии», с которой, по некоторым свидетельствам, был знаком сам вожьд всех народов, начали звучать настойчивые требования написать обобщающую работу и тем самым пройти тест на политкорректность. В период разгула новой идеологической кампании, ликвидировавшей целые отрасли науки, уклониться от этого было нельзя. Известно, что книга «Экспериментальные основы психологии установки» была специально написана на русском языке и проходила долгую экспертизу в Москве в Институте психологии. На русском языке был написан и последний вариант работы «Основные положения теории установки». То, что опасность была более чем реальной, подтвердили первая же публичная дискуссия вокруг теории установки в Тбилиси (1952)⁸, да и дальнейшие обсуждения на «центральной уровне»⁹.

Учитывая факты давления на Узнадзе и представителей его школы, которые постепенно стали открываться после развала Советского Союза, подобная интерпретация выглядит вполне возможной, хотя, как нам кажется, идеологический мотив едва ли был единственным и решающим. В конце концов, почему Узнадзе не мог найти слабости учения об атрибутивном сознании, если это удалось сделать позже другим¹⁰? Понятия «первичного сознания» и «бессознательной психики» исключают друг друга. Проникнувшись идеей существования нефеноменологической психики, Узнадзе оппонировал Фрейду, считая, что бессознательное в психоанализе — это перемещенное в сферу темной психики переживание, лишённое света сознания. Адекватна ли узнадзевская оценка, является ли такой вид бессознательного единственным в психоанализе — вопрос спорный¹¹. Однако несомненно, что альтернативность этому направле-

⁷ *Прангшвили А.* Об одной идеалистической системе в психологии («Биосферная психология» проф. Узнадзе) // *Комунистури агзрдисатвис.* 1932. № 5–7. С. 71–80; № 8–9. С. 81–88.

⁸ Некоторые вопросы советской психологии // *Стенографический отчет совещания в АН ГССР.* — Тбилиси, 1952.

⁹ Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии // *Вопр. психол.* 1955. № 6. С. 72–112.

¹⁰ *Чхартшвили Ш.* Установка и сознание. — Тбилиси: Мецниереба, 1977.

¹¹ *Имедадзе И.В., Сакварелидзе Р.Т.* Принцип развития и проблема бессознательного в трудах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе и З. Фрейда // *Психология человека в современном мире.* — М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 17–24.

нию психологии, которое убедительнее всех раскрыло реальную действенность бессознательной психики, было сильной мотивацией как при разработке, так и в дальнейшем развитии теории установки. Заметим, что сейчас данный вопрос представляет, скорее, исторический интерес, чем сугубо теоретический.

В последних работах, осмысливая методологические основы теории установки и противопоставляя ее другим концепциям, Узнадзе сформулировал так называемый «эмпирический постулат». Согласно этому постулату, которым грешили предшествующие психологические системы, между индивидом и средой лежит пропасть, заполнение которой (встреча этих двух необходимых для реализации поведения факторов) осуществляется через научение, то есть фактически случайным образом. Подобное понимание не может быть сочтено удовлетворительным, хотя бы потому, что отданные на волю случая живые существа в ожидании нужной среды были бы обречены на гибель. Следовательно, связь между этими факторами существенна и органична.

Данный принцип «единства или существенности», как явствует из тетради для заметок Узнадзе, частично представленной в этой книге, был эксплицирован в 1944 г. [150]; он представляет собой более обобщенную версию «теории коинциденции» и тесно связанного с ней понятия «возрастной среды». Именно на это понятие опирается Узнадзе, решая проблему возрастной периодизации. Каждый возраст характеризуется своей специфической средой.

Возрастная среда — это прежде всего социально организованная среда. Социальность — ее существенный признак. Поэтому нетрудно усмотреть много общего с понятием «социальная ситуация развития» Л.С. Выготского, тем более, что оба понятия используются для решения проблемы периодизации. Однако вопрос об их соотношении далеко не прост и нуждается в специальном исследовании.

В дальнейшем Узнадзе продолжил плодотворную работу в сфере детской и педагогической психологии: написал целый ряд статей, посвященных дисциплине и воспитанию воли, развитию мышления, определению школьной зрелости, анализу особенностей учебной деятельности, отношению педагогики и психологии и пр. Однако самым важным, конечно, было издание «Детской психологии» (1947) — книги, на которой воспитывались поколения грузинских психологов и педагогов. В нее наряду с данными мировой психологии того времени вошли результаты оригинальных исследований автора и представителей его научной школы, которая в этом направлении успешно ра-

ботает по сей день. Для иллюстрации достаточно сказать, что во впечатляющем количестве исследований множества авторов изучен онтогенез, по существу, всех основных психических процессов (восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоции, воля). Этой традиции положил начало сам Узнадзе исследованием генезиса мышления. Отмеченные работы изданы на разных языках, в том числе и на русском. Сам Узнадзе опубликовал более пятидесяти работ по педагогике, детской и педагогической психологии. Они включают оригинальные экспериментальные разработки, а также исследования, посвященные коренным методологическим и теоретическим вопросам генетической психологии и психологии образования¹².

Ключевыми для постижения своеобразия системы взглядов Узнадзе на онтогенетическое развитие психики являются понятия «коинциденция», «возрастная среда» и «функциональная тенденция». Материал, содержащийся в данной книге, даст возможность читателю составить представление о соответствующих концептах.

Теория коинциденции была предложена еще в «Педологии» для решения древней проблемы соотношения внутренних и внешних факторов развития [78]. Специфика подхода Узнадзе состоит в том, что следует говорить не о простой конвергенции этих факторов (как, например, в теории В. Штерна), а об их принципиальном и изначальном единстве. Полностью обособленное и гетерогенное явление не может создать гармоничную связь, без которой немислимы ни развитие, ни поведение. Как показывает история науки, все попытки построения теории, опирающиеся на изначальное разобщенные факторы и условия активности или развития, завершаются неудачей. Любая характеристике индивида соответствует какое-либо явление среды, или раздражитель. Исходя из этого, «понятие внутреннего уже содержит в себе то, что считается внешним, и, наоборот, внешнее — то, что считается внутренним <...> полностью размежевать эти понятия друг от друга просто невозможно; следовательно, мы оказываемся перед фактом коинциденции, единства внутреннего и внешнего, врожденного и приобретенного» [78, с. 52].

Можно смело утверждать, что вся система взглядов Узнадзе, касающихся функционирования живых систем, является подлинно интеракционной¹³. Ведь одно из основных достоинств его главного детища — теории установки — заключается в том, что она органически объединяет внутреннее и внешнее, индивида и среду.

В настоящую книгу вошла самая последняя работа Узнадзе, в которой был окончательно оформлен и не-

¹² Печально, что все это осталось незамеченным в работах специалистов истории психологии. В частности, в фундаментальном исследовании столь авторитетного и информированного исследователя, коим, несомненно, является Т.Д. Марцинковская (История возрастной психологии. М., 2004), развитие данного направления науки представлено без упоминания вклада Узнадзе и его школы. То же самое можно сказать и об остальных аналогичных исследованиях. Это трудно объяснить, поскольку Узнадзе жил и творил в период как Российской империи, так и советской действительности. На всех этапах своей деятельности он создавал научную продукцию в области педагогики, педологии, возрастной и педагогической психологии, на которую трудно не обратить внимания, излагая историю отечественной, русской или советской психологии. Сказанное касается и психотехнических работ Узнадзе, написанных, кстати, большей частью на русском языке. Среди них выделяется брошюра (Об актуальных задачах..., 1933), в которой актуальные вопросы психологии профессии рассматриваются с точки зрения теории установки. К сожалению, она также не «уместилась» в нашей книге.

¹³ *Имедадзе И.В.* Интеракционизм и теория установки // Психол. журн. 2012. № 3. С. 33–42.

сколько развит «психический вариант» теории установки [137]. Однако можно найти текстуальные подтверждения тому, что в период написания работы, знаменующей этап психичности установки и завершенной, судя по специальным подсчетам, в 1947 г., Узнадзе все еще находился под влиянием биосферных представлений. Так, в известном исследовании «Внутренняя форма языка» (1947) проводится мысль, что установка ни в коем случае не является чисто субъективным состоянием, а специфическим целостным отражением, неким первичным «холотаксисным» процессом [120]. О «холотаксисном» (то есть установочном) эффекте, предваряющем и определяющем психические переживания, говорится также в одной заметке того же года. Очевидно, что сам термин (таксис по определению не психичен) указывает на некое более современное выражение биосферного содержания.

Очень показательна в этом смысле и заметка, сделанная в мае 1944 г., которая также приведена в этой книге. Она, кстати, указывает и на то, что мотивом изменения позиции не была концепция объективации, которой Узнадзе в значительной мере обогатил свою систему в последних произведениях. Данная концепция хорошо известна, поэтому заметим лишь, что она сама по себе гетерогенна в отношении проблемы онтогенетической природы установки.

В принципе, то же следует сказать и об экспериментальных данных психологии установки. После 1936 г., когда были опубликованы результаты исследования постгипнотических эффектов фиксированной установки [84], ничего существенно нового, проливающего свет на взаимоотношения установки и сознания, сделано не было. Как известно, в том числе и из «установочных работ», приведенных в нашей книге, эти данные служат эмпирическим подтверждением того, что установка действует вне сознания. Однако они ничего не говорят о ее психичности-непсихичности, иначе вопрос давно был бы решен.

Мы уже не раз упоминали так называемые «заметки» [150]. Тетрадь для заметок содержит рабочие, требующие дальнейшей разработки идеи и соображения по поводу исключительно широкого круга вопросов, входящих в сферу интересов автора масштабной общепсихологической системы. Обсуждаются важнейшие принципы, понятия, механизмы и т.д. «Заметки» дают возможность заглянуть в творческую лабораторию большого ученого, составить

представление о том, в каком направлении продвигалась его мысль.

Поскольку имелась возможность ознакомить нашего читателя лишь с малой частью этого материала, мы решили сосредоточиться на одной теме — психологии эмоций, по поводу которой имеется особенно много записей. Как видно, Дмитрий Николаевич намеревался написать большое исследование, о чем свидетельствует подготовленный им специальный курс лекций, стенограмма которого сохранилась в его архиве и содержит основательный анализ всех значимых взглядов на эмоции, существующих на то время.

Разбросанные в записях разных лет мысли в общем складываются в единый план концепции, в которой обговариваются вопросы порождения эмоций, их виды, соотношение ментального и соматического компонентов как между собой, так и с порождающим началом (установкой), функции эмоций в побуждении и регуляции поведения, связь эмоций с другими психическими процессами и др.

Тетради содержат и некоторые мысли и темы, волновавшие автора заметок постоянно, в том числе связанные с творчеством. Они дополняют небольшой материал по теории эстетики, содержащийся в данном сборнике. Не вдаваясь в подробности соображений грузинского мыслителя касательно этой области знания, отметим только, что они несут на себе заметный отпечаток его философских и, особенно, психологических взглядов. В конечном счете в основе всего лежит идея целостной основы активности (в том числе творческой), единства внутреннего и внешнего, чувственного и телесного, индивидуального и универсального.

В завершение хотелось бы выразить надежду, что русскоязычный заинтересованный читатель найдет много нового и интересного в предложенной книге. Однако очевидно, что работу в этом направлении следует продолжить, ибо остается еще немало серьезных исследований Узнадзе, ожидающих перевода и публикации.

Ираклий Имедадзе,
доктор психологических наук,
чл.-корр. Национальной АН Грузии,
президент Общества психологов Грузии

Рамаз Сакварелидзе,
кандидат психологических наук

Uznadze: known and unknown

I. V. Imedadze

PhD in Psychology, Corresponding Member of Georgian National Academy of Sciences,
President of Georgian Society of Psychologists.

R. T. Sakvarelidze

PhD in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology, Tbilisi State Medical University